

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Старикова Е.В. — Польское восстание 1863–1864 гг. и повстанцы глазами русских военных и чиновников //

Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 2. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.2.39689 EDN:

XDFNUW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39689

Польское восстание 1863–1864 гг. и повстанцы глазами русских военных и чиновников

Старикова Елена Витальевна

соискатель, кафедра истории России XIX века – начала XX века, Московский государственный университет имени МВ. Ломоносова

119991, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Ломоносовский Проспект, 27, корпус 4

✉ e.starikova1403@list.ru

[Статья из рубрики "Исторические факты, события, феномены"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.2.39689

EDN:

XDFNUW

Дата направления статьи в редакцию:

30-01-2023

Аннотация: Статья посвящена изучению проблемы восприятия русскими офицерами и чиновниками участников польского восстания 1863–1864 годов в Царстве Польском и Западном крае. Польское восстание 1863–1864 годов является важнейшей вехой в истории русско-польских отношений и формировании образа поляка в русском обществе. Во внутренних губерниях большинство людей получали сведения о восстании в основном из периодической печати, благодаря которой на уже существовавшее представление о поляках накладывался образ жесткого врага. Но среди русских были и те, кто во время восстания находился в гуще событий. Это были военные и чиновники, направленные в Царство Польское и Западный край. Благодаря личному опыту участников событий формировался гораздо более многогранный образ. Тема взаимного восприятия поляков и русских уже многие годы вызывает научный интерес российских и польских исследователей. В историографии существует большой пласт научных работ, посвященных изучению образов и взаимных стереотипов поляков и русских. Актуальность статьи заключается в отсутствии комплексных исследований, в которых предметом изучения становилось бы личное восприятие русскими офицерами и чиновниками участников восстания. В ходе исследования были изучены воспоминания непосредственных участников событий, которые принимали участие в подавлении восстания и реформировании управления Западного края. В статье делается попытка

показать польских восставших такими, какими их видели русские военные и чиновники. Кроме того, интерес также представляет восприятие ими таких аспектов восстания, как степень его подготовленности, причины побед и поражений повстанцев. Результатом исследования стало конструирование образа повстанца, а также выявление факторов, которые влияли на формирование этого образа.

Ключевые слова:

польское восстание, Царство Польское, поляки, Западный край, образ поляка, образ врага, воспоминания, образ повстанца, восприятие, подавление восстания

Польское восстание 1863–1864 годов является важнейшей вехой в истории русско-польских отношений и формировании образа поляка в русском обществе. Начавшееся для многих внезапно, восстание сразу всколыхнуло русское общество и вызвало сильнейшую волну негодования по отношению к другому народу. На уже существовавшее представление о поляках накладывался образ беспощадного врага.

Но среди русских были и те, кто во время восстания находился в гуще событий. Это были русские военные и чиновники, отправленные для подавления восстания и реформирования местного административного аппарата. Если для тех, кто находился в тылу и узнавал о событиях в Царстве Польском и Западном крае, восставшие представлялись жестокими врагами, то для самих офицеров-участников событий все было далеко не так однозначно. С одной стороны, восстание воспринималось русскими военными как зло, с которым нужно бороться. Но, с другой, столкновения лицом к лицу с повстанцами порой заставляли переосмысливать уже сложившиеся у них представления о восстании.

Тема взаимного восприятия поляков и русских уже многие годы вызывает научный интерес отечественных и польских исследователей. Важной работой, посвященной этой проблеме, является монография А. Кэмпиньского «Лях и москаль: Из истории стереотипа» [\[1\]](#). На основе художественной литературы и документальных источников автор изучает механизмы формирования стереотипов в культуре двух народов.

Большой вклад в изучение образов и взаимных стереотипов поляков и русских был внесен участниками русско-польских научных конференций, которые проводились в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Итогом их деятельности стало появление сборников статей, посвященных различным аспектам взаимного восприятия поляков и русских на протяжении всей истории их взаимодействия. Среди них стоит назвать сборник докладов «Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание» [\[2\]](#), «Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре» [\[3\]](#), «Поляки и русские в глазах друг друга» [\[4\]](#). Тема по сей день не утратила актуальности, существует еще множество аспектов, которые требуют дальнейшего рассмотрения для создания глубокого представления о двух культурах.

Представление о поляках в России не было однозначным. С одной стороны, как показано в работе Л. Е. Горизонтова, еще в конце XVIII – первой половине XIX века в России существовали представления о поляках, как о приверженцах революционных идей и действий [\[5, с. 144–145\]](#). На это оказывала влияние постоянная борьба поляков за независимость и их действия, направленные против России [\[6, с. 117–118\]](#). С другой

стороны, судьба польского народа, потерявшего независимость, вызывала у части русского общества сочувствие к национально-освободительным стремлениям поляков [\[7, с. 192.\]](#).

Разразившееся в 1863–1864 годах польское восстание привело к кардинальному ухудшению отношения к полякам в русском обществе. Эти чувства подогревались сведениями о жестокости повстанцев, которые массово тиражировались средствами периодической печати. В то время как большинство людей могло довольствоваться только сведениями из газет, российские военные могли своими глазами увидеть то, что происходило в то время в Царстве Польском и Западном крае. Некоторые из них оставили воспоминания, в которых рассказали о том, что видели, и какое участие принимали в этих событиях.

В ходе исследования были изучены мемуарные источники. Они имеют определенно субъективный характер, но при этом они помогают понять, какие представления и образы существовали в то время, когда жили мемуаристы. Авторы воспоминаний были не только очевидцами описанных ими событий. Во время пребывания в Царстве Польском и Западном крае и после восстания они обменивались мнениями с другими участниками событий. В процессе общения они делились своими наблюдениями, слушали своих собеседников, обсуждали важные для них вопросы. Как отметил А. Г. Тартаковский применительно к мемуаристике в целом, в процессе этого общения личные воспоминания растворяются в «среднем» мнении, которое может быть усвоено как своё собственное [\[8, с. 29\]](#). В связи с этим записки, составленные отдельными авторами, в определенной степени отражают общие идеи, свойственные для широкого круга лиц. С другой стороны, всякое суждение, отличное от общих идей, представляет ценность именно как индивидуальное.

В работе рассмотрены воспоминания 11 авторов, описавших события, происходившие в Царстве Польском и Западном крае в период восстания. Большинство авторов во время восстания служили офицерами в различных полках Царства Польского и Западного края. Среди них стоит назвать Л. Л. Драке – офицера 6-го Либавского пехотного полка [\[9\]](#), А. Н. Витмера – офицера Гродненского гусарского полка [\[10\]](#), А. Вязмитинова – офицера Александрийского гусарского полка [\[11\]](#), И. Н. Пономарева – офицера 5-го Литовского уланского полка [\[12\]](#), В. А. Потто – офицер 3-го драгунского Новороссийского полка [\[13\]](#), Д. Г. Анучина – адъютанта главнокомандующего войсками в Царстве Польском [\[14\]](#), В. Щербовича-Вечоры – офицера 23-го Низовского пехотного полка, ординарца генерал-лейтенанта С. Г. Веселитского [\[15\]](#), М. П. Межецкого – полкового адъютанта Нарвского пехотного полка [\[16\]](#). В работе также были исследованы воспоминания И. Г. Ностица, который во время восстания уже имел чин генерал-майора и командовал войсками, действовавшими против повстанцев [\[17\]](#).

Несколько авторов не принимали активного участия в боевых действиях, но участвовали в реформировании управления Западного края. Среди них был Я. Н. Бутковский [\[18\]](#). Отдельно стоит выделить И. В. Любарского, так как он был полковым врачом и не принимал непосредственного участия в сражениях [\[19\]](#). В своих воспоминаниях о службе в Западном крае в период с 1860 по 1864 годы автор дает яркую характеристику повстанческим отрядам, а также описывает настроения в этом крае во время восстания.

Еще одной важной характеристикой источников является то, что большинство изученных

мемуаров создавались спустя значительный промежуток времени после восстания. Но некоторые авторы во время создания мемуаров пользовались своими письмами, написанными во времена восстания [\[9, № 8, с. 340\]](#). Наиболее приближенные ко времени восстания – рассказ Д. Г. Анучина, опубликованный в 1863 году, а также записки П. А. Потто, опубликованные в период с 1867 по 1870 годы. Некоторые авторы, например, И. Н. Пономарев, И. В. Любарский, Я. Н. Бутковский и другие, включали в свои записки не только то, что они видели своими глазами, но и вплетали в своё повествование сведения, полученные от других участников событий.

Определить мотивы каждого автора едва ли представляется возможным. Ко времени создания воспоминаний большинство авторов уже были в отставке и для них польское восстание было делом давно минувшим. Едва ли можно упрекнуть авторов либо в стремлении показать свою лояльность властям, либо напротив показать более положительное отношение к восставшим в связи с общественными процессами, которые происходили в стране в исследуемый период. Мемуары, которые были рассмотрены в статье, публиковались в период с 1863 по 1909 год, и за это период в отношении к полякам не произошло кардинальных изменений. В связи с этим можно сделать осторожное предположение, что любое суждение, несущее в себе положительное отношение как со стороны мемуариста, так, в особенности, и других участников событий, заслуживает особого внимания.

В этой статье будет сделана попытка показать польских восставших такими, какими их видели русские военные и чиновники, непосредственные участники событий. Кроме того, интерес также представляет восприятие ими таких аспектов восстания, как степень его подготовленности, причины побед и поражений повстанцев. Также важно изучить, от чего зависело то, или иное восприятие повстанцев.

Жестокость

Восстание началось в ночь с 10 на 11 января 1863 года, когда повстанческие отряды напали на несколько российских гарнизонов. Для описания этих событий авторы воспоминаний используют словосочетания «предательски напали», «произвели резню» [\[19, № 4, с. 159\]](#), «Варфоломеевская ночь» [\[14, с. 506\]](#), для того чтобы подчеркнуть их неожиданность и беспощадность. С самого начала восстания появились сведения о многочисленных жестоких убийствах русских солдат повстанческими отрядами. Жертвами становились не только русские, но и представители местного населения, не желавшие оказывать восставшим поддержку.

Сведения о расправах породили у русских представление о крайней жестокости повстанцев, что нашло отражение в воспоминаниях многих авторов. В большинстве мемуаров авторы приводят яркие описания убийств, произведенных повстанцами, тем самым подчеркивая их необоснованную жестокость по отношению к русским солдатам и местному населению. Так В. А. Потто рассказывает о движении русских войск в направлении Красника в апреле 1863 года и сцен, которые им пришлось наблюдать: «Следы, проходивших здесь мятежников обозначались трупами крестьян, повешенных на деревьях по несколько человек вместе». Автор пишет, что по положению трупов можно было судить о том, что «инсургенты», издевались над мертвыми [\[13, 1868, № 3, с. 129\]](#).

С одной стороны, жестокость «инсургентов» вызвала у военных желание как можно скорее наказать виновных. В. А. Потто пишет, что, видя своими глазами убитых крестьян, солдаты сами ожесточались: «...в сплоченных рядах их слышался ропот негодования, и грозный клик, "что пленных не будет" не раз проносился из конца в конец по отряду»

[\[13, 1868, № 3, с. 129\]](#). О реакции военных на действия повстанцев также упомянул в воспоминаниях И. Н. Пономарев: «До нас все чаще и чаще доходили сведения о зверствах, совершаемых возмущившимися поляками над пленными. Ожесточение в войсках росло и все с нетерпением ожидали встречи с врагом» [\[12, № 9, с. 738\]](#).

С другой стороны, будущая борьба с повстанцами представлялась более сложным делом, чем обычная война. И. Н. Пономарев описал ожидания офицеров от готовящейся партизанской борьбы: «...нападение из-за угла, засады, жестокая расправа мятежников с пленными, отравы – все это вместе взятое входило в план польских начальников» [\[12, № 9, с. 733\]](#).

Устрашающие действия повстанцев оказывали на некоторых офицеров тяжелое психологическое воздействие, с которым они не могли справиться. Одним из них был поручик Бауман, служивший в 4-ом эскадроне Литовского уланского полка. Узнав о жестокости повстанцев, Бауман стал одержим страхом перед ними. Своим сослуживцам он постоянно говорил, «...что его обязательно захватят в плен и подвергнут самым ужасным пыткам» [\[12, № 10, с. 140\]](#). В конце концов, не выдержав психологического давления, поручик Бауман застрелился. Это стало настоящей трагедией для полка [\[12, № 10, с. 141\]](#).

Среди революционных сил существовала особая категория повстанцев, основной задачей которых была борьба с противниками восстания. Среди них были кинжальщики, названные по оружию, которое они использовали, а также жандармы-вешатели. Эта категория, известная своей жестокостью, отдельно описывается многими авторами. С точки зрения И. Н. Пономарева, жандармы-вешатели были хорошо организованы и отличались преданностью своему жесткому делу: «Раз жонд приговаривал кого-нибудь к смерти, то, какие бы он не принимал меры осторожности, казнь приводилась в исполнение» [\[12, № 10, с. 149\]](#). Я. Н. Бутковский считал, что «вешатели» и «кинжальщики» не были борцами за независимость Польши, а являлись лишь палачами, которые выполняли все указания «жонды». Он указывал, что порой жертвами становились ни в чем неповинные люди лишь за то, что они были русскими [\[18, № 11, с. 335\]](#).

С точки зрения И. Н. Пономарева, во многом благодаря существованию этой отдельной категории убийц, польскому революционному движению удавалось подавлять попытки сотрудничества местного населения с властями, тем самым сокращая риски раскрытия революционных организаций. Как указывал автор: «Простой народ при одном их имени трепетал и по их первому требованию отдавал последний свой трудовой грош» [\[12, № 10, с. 151\]](#). Д. Г. Анучин также писал о том, что сельские жители боялись даже думать о доносе на мятежников «...потому что все будет узнано, и если не доносчик, то его семейство или односельцы пострадают жестоко» [\[14, с. 513\]](#).

Зверства «мятежников» порождали в самих русских жестокие чувства. Во время поездки по Западному краю в одном из местечек Я. Н. Бутковский узнал, что повстанцы почти до смерти засекли нагайками сына местной булочницы-немки. После долгих расспросов удалось выяснить, что местный звонарь-шляхтич принимал повстанцев у себя дома, а сама экзекуция над молодым немцем происходила перед окнами его дома. На допрос вместе со звонарем явился местный ксендз. Они оба отказывались что-либо признавать или рассказывать. Автор пишет: «Вся эта история меня волновала, кровь била в виски, и я под влиянием этих зверских сцен сам почувствовал себя зверем» [\[18, № 11, с. 350\]](#). Я. Н.

Бутковский распорядился допросить звонаря, применяя нагайки так же, как это сделали повстанцы с немцем. Никакие увещевания шляхтича и даже угрозы ксендза пожаловаться министру не остановили автора. Я. Н. Бутковский писал, что он ожесточился до такой степени, что даже не слушал просьб жены и детей шляхтича. Этот страшный допрос на всю жизнь запечатлелся в памяти автора. Он пишет: «И до сего дня я не могу без ужаса вспомнить об этой сцене, за которую получил личную благодарность министра, генерал-губернатора, и одобрение всех местных деятелей; но я подвергся также строгому порицанию своих петербургских знакомых. Краска стыда выступает у меня при воспоминании о том, что я мог превратиться в зверя, и я сам не могу решить, так ли я поступил, как следовало в эти критические минуты» [\[18, № 11, с. 351\]](#).

Тяжелое впечатление на авторов производила гибель от рук повстанцев тех людей, которые оказывали помощь русским войскам. Л. Л. Драке пишет, что во время экспедиций по поиску мятежников находили «на лесных дорогах и у усадеб повешенных, с прикрепленным к груди листком бумаги и надписью на ней "здравца ойчизны" (т. е. изменник отечеству); так зверски мстили повстанцы за малейшую услугу нашим экспедиционным отрядам» [\[9, № 9, с. 540\]](#).

То, что русские считали правильными и благородными поступками, рассматривалось польской революционной организацией как предательство национальных интересов. Люди, лишь заподозренные в связях с властями, подвергались расправам со стороны революционной организации. И. Н. Пономарев рассказывает о шляхтиче из Грубешова, сообщившем об отравленном супе. Этот человек был найден повешенным в своем доме за то, что сорвал планы польских революционеров [\[12, № 9, с. 739\]](#). Девушка Маруся, предупредившая русского офицера, чтобы тот не спал ночью перед готовящимся нападением повстанцев, была повешена отрядом, в который входил ее отчим [\[12, № 9, с. 750\]](#). Обе ситуации для автора едва ли постижимы. Он видит долгом русских оказать помощь семьям погибших или отомстить за их гибель.

Авторы также указывали, что по мере ослабления мятежа, жестокость повстанцев только усиливалась и принимала все более жуткие формы. В. А. Потто писал: «Чем безнадежнее становился мятеж, тем чудовищнее делался террор, и над городами и селами, над помещиками и крестьянами, над всем, что так или иначе, касалось рокового польского дела, висел Дамоклов меч и грозил ослухным смертью и разорением» [\[13, 1868, № 12, с. 421\]](#).

Таким образом, с самого начала восстания у русских возникает представление о жестокости повстанцев. Это явление вызывало в авторах разные чувства: на некоторых действия повстанцев наводили страх, в других же порождали желание совершить возмездие над врагом. Отдельно стоит отметить, что понимали русские авторы под жестокостью. Действия поляков в бою не воспринимаются как что-то неправильное или жесткое. Напротив, многие авторы подчеркивают смелость повстанцев или хорошее владение ими оружием. Жестокость для русских – это именно действия повстанцев, направленные против безоружных и слабых.

Неуловимость и информированность

Сложность борьбы с повстанцами, по мнению многих авторов, заключалась в способе организации их действий. Восстание 1863–1864 годов приняло характер партизанской борьбы, поэтому не существовало какой-либо единой армии, повстанцы были объединены в отряды, которые действовали в разных регионах Царства Польского и

Западного края. Значительную часть времени повстанцы проводили в лесах.

Проблемой для русских войск была также высокая скорость перемещений повстанческих «банд». Д. Г. Анучин пишет, что поиск «инсургентов» осложняло и то, что они редко надолго задерживались на одном месте [\[14, с. 514\]](#). О неуловимости восставших свидетельствует то, что значительную часть времени военные проводили в поисках повстанцев, а не в прямых столкновениях с ними. Л. Л. Драке рассказывает, что «отряды зачастую бродили, особенно по лесным дорогам, как с завязанными глазами и, побродив иногда несколько суток, возвращались на свои стоянки, не встретив ни одного инсургента» [\[9, № 8, с. 342\]](#). Схожее описание малорезультативных поисков встречается в большинстве воспоминаний.

Поиск повстанцев осложняли и трудности, с которыми сталкивалась русская армия. Так, в некоторых частях даже отсутствовали топографические карты. Л. Л. Драке пишет, что из-за этого приходилось искать проводников «языков» в деревнях и местечках. Местные жители помогали военным с большой неохотой «из боязни мщения со стороны инсургентов» [\[9, № 8, с. 342\]](#).

Таким образом, постоянные перемещения повстанцев и отсутствие постоянной локации не только осложняло их поиск, но и усиливало представление об их неуловимости.

Многие авторы подчеркивают то, что повстанцы имели серьезную сеть информаторов и сторонников среди местного населения. Л. Л. Драке указывает, что «...в шпионах они недостатка во все время восстания никогда не встречали, агенты у них были всюду и по преимуществу евреи» [\[9, № 8, с. 341\]](#). В воспоминаниях описываются многочисленные случаи, когда повстанцы были уже будто бы кем-то предупреждены о приближавшихся русских войсках. Так Л. Л. Драке рассказывает о том, что недалеко от Белостока «банда» повстанцев повесила помещицу в ее собственном доме на люстре за отказ выплатить им контрибуцию. Русские войска не успели наказать виновных, так как сведения о происшествии были получены через несколько дней, и «банда уже исчезла» [\[9, № 8, с. 341\]](#). Д. Г. Анучин пишет, что в разных местностях у революционного комитета были свои агенты, которые постоянно жили на одном месте и не вызывали поводов к подозрению. Благодаря этим агентам, с точки зрения автора, со всех окрестностей собиралось продовольствие, и проводился сбор новых людей для пополнения «банд» повстанцев [\[14, с. 513\]](#).

Пленные поляки во время допросов сообщали, что они получали информацию о всех секретных приказах, полученных частями русских войск. Это происходило даже несмотря на то, что ключи от зашифрованных депеш менялись каждый день [\[12, № 10, с. 149\]](#). Д. Г. Анучин также отмечал, что застать поляков врасплох было сложно, так как они почти всегда знали о движении против них войск, и если их позиции были невыгодными, то отступали [\[14, с. 516\]](#).

Организация повстанческих отрядов

Многие стычки с польскими повстанцами приводили к большим жертвам со стороны восставших. Разные авторы приводили множество причин такого положения дел. С точки зрения И. В. Любарского, это происходило из-за того, что «поляки так уж привыкли к долговременным уступкам и покорности русских войск, что – казалось им – и при военных действиях наши роты будут безответно стоять под выстрелами мятежников» [\[19, № 4, с. 162\]](#).

Еще одной причиной поражений повстанцев, с точки зрения русских офицеров, была плохая военная подготовка. «Мятежники» имели мало военного опыта, как правило, были плохо обучены. По мнению Л. Л. Драке, в большинстве своем повстанцы были плохо организованы и руководились «мало сведущими в военном деле помещиками и ксендзами» [\[9, № 9, с. 546\]](#).

Описывая очередную стычку, Александр Вязмитинов упоминает, что среди повстанцев были плохие наездники: «...многие импровизированные кавалеристы свалились, другие, задвинувшие, в надежде усидеть, ноги подальше в стремя, слетев с седла, повисли вниз головами и колотились ими о землю, пока было чем колотиться» [\[11, с. 418\]](#).

Повстанческие отряды производили впечатление организованных «на скорую руку» [\[9, № 8, с. 341\]](#). Вооружение повстанцев тоже зачастую было довольно примитивным. Л. Л. Драке пишет, что в Западном крае отряды были «почти не обучены и кое-как вооружены по преимуществу косами, насаженными на древки (такие инсургенты назывались косиньерами) и малогодными одностволками...» [\[9, № 9, с. 546\]](#). Но, по его наблюдению, были и повстанцы, с которыми приходилось считаться. А. Н. Витмер пишет, что в случае с косиньерами большую роль играло то, как они наносили удар: если удар наносили правильно, он мог привести к тяжелым увечьям, но во время боя это было сделать крайне сложно, и удар чаще всего приходился плашмя, оставляя только синяк [\[10, с. 856\]](#).

Я. Н. Бутковский будучи чиновником, не принимал активного участия в военных экспедициях против восставших, но однажды был свидетелем одной из стычек. О действиях повстанцев он написал: «Все это со стороны инсургентов походило на какую-то ребяческую шалость, но никак не на войну...» [\[18, № 10, с. 93\]](#).

Помимо проблем с вооружением, повстанцы испытывали нехватку в еде. В. Щербович-Вечора указывает, что взятые в плен в 1864 году повстанцы рассказывали, что вторые сутки у них не было горячей пищи, и они утоляли жажду и голод черникой, найденной в лесу. Автор пишет: «И действительно у всех повстанцев, как у живых, так и у мертвых, были совершенно синие от черники губы» [\[15, № 6, с. 729\]](#).

С точки зрения русских военных, восставшие не отличались дисциплиной или высоким моральным обликом. Русские солдаты, побывавшие в плену, а также арестованные повстанцы сообщали, что восставшие «пьянствуют, так как водка у них всегда в изобилии» [\[14, с. 516\]](#). И. Н. Пономарев приводит рассказ гусарского унтер-офицера, побывавшего в плену у повстанческой «банды»: «Насколько я мог заметить, у них в отряде превеликое пьянство происходит, а насчет дисциплины у них плохо, хотя они и величают начальство "пан пулковник", "пан поручник", но субординации нет, одним словом сброд» [\[12, № 9, с. 741\]](#).

Русские военные, как правило, довольно низко оценивали действия начальников повстанческих отрядов. Руководство повстанцев, по мнению А. Вязмитинова, не имело единства: «Начальники их ссорились между собой и обвиняли друг друга в измене» [\[11, с. 417\]](#). И. Н. Пономарев в воспоминаниях описывает впечатления военных, которые участвовали в сражении под Люблином: «...польская молодежь дралась с большой отвагой, но их начальство, не знакомое с тактикой, делало промахи на каждом шагу; совершенно зря посылало людей на верную смерть, издали следя за ходом битвы, и при малейшей опасности удирало с поля сражения, бросая своих подчиненных на произвол судьбы» [\[12, № 9, с. 743\]](#). В глазах русских офицеров рядовые повстанцы были отважны,

что нельзя было сказать об их начальстве. Русских военных поражало, что среди сражающихся было много совсем молодых повстанцев лет 14–15. По мнению русских военных, для руководителей эти дети были «пушечным мясом» [\[12, № 9, с. 744\]](#).

Описание повстанческих соединений у многих авторов имеют схожие характеристики. Непременным является использование понятия «шайки», подчеркивающее преступность их деятельности и одновременно их неорганизованность. Военные в своих воспоминаниях воспроизводят образ чего-то трусливого, для большинства описаний характерны такие глаголы как «удирать», «улепетывать», «шататься». К одной из «шаек» автор подобрал следующую характеристику: «...разогнаны, как стадо индеек» [\[11, с. 420\]](#).

Отдельного описания заслуживает внешний вид повстанцев, который запомнился многим авторам. Как правило, они не имели какого-то единого обмундирования. Повстанцы были одеты довольно пестро, и их внешний вид оказывал влияние на представление об их неорганизованности. Один гусарский унтер-офицер описал отряд повстанцев, взявший его в плен: «Оказалось, что мы находимся в лесу среди какого-то оборванного сброда, но были и франты, в таких же венгерках, как и наши гусарские» [\[12, № 9, с. 740–741\]](#).

С точки зрения военных и чиновников повстанческие отряды были плохо организованы, а их участники не были обучены военному делу. Если сведения о жестокости и информированности повстанцев русские военные получали в основном от внешних источников, то степень организованности повстанцев они видели своими глазами. Во время стычек у русских возникало представление о чём-то хаотичном, разнородном, даже жалком. На это впечатление накладывали отпечаток отсталое вооружение повстанцев, их внешний вид и сведения о низком моральном уровне, царившем в рядах повстанцев.

Отношение к поверженному противнику

Во время восстания русским военным приходилось сталкиваться с пленными повстанцами. Такие встречи с пленными и ранеными очень сильно запоминались русским офицерам, что находит подтверждение в тех многочисленных подробностях, описанных в воспоминаниях. Именно эти встречи оказали влияние на формирование нового взгляда на повстанцев, которые теперь не могли восприниматься однозначно как враги.

За пределами полей битв русским военным удавалось ближе пообщаться с участниками восстания. А. Вязмитинов приводит рассказ о молодом пленном поляке Иосифе Острогжском, с которым он познакомился. Автор пишет, что молодой человек был общительным, превосходно говорил по-русски, и в целом производил положительное впечатление. Впоследствии выяснилось, что пленный повстанец был воспитанником инженерного училища и как бывший военный, нарушивший присягу, должен был быть предан военному суду. Автор пишет: «Странно – чем возбудил этот повстанец мое в нем участие? Если бы месяц тому назад мы встретились бы с ним где-нибудь в поле или в лесу, я, конечно, убил бы его, если бы ему не удалось предупредить меня и убить меня. А теперь у меня защемило сердце, при виде бледного откинувшегося на подушку молодого человека. Я старался успокоить его, как мог» [\[11, с. 414\]](#). Таким образом, мы видим, что молодой повстанец уже не мог восприниматься автором, как однозначный противник, он вызвал в нем искреннее сочувствие. Автор даже пообещал молодому человеку сохранить его секрет [\[11, с. 414–415\]](#). Впоследствии А. Вязмитинов узнал, что военно-судной комиссии стало известно о том, что молодой человек был офицером. Его

приговорили к смертной казни, которую потом заменили ссылкой [\[11, с. 416\]](#).

Среди участников восстания было много молодых людей. На русских военных производил неизгладимое впечатление юный возраст повстанцев. И. Н. Пономарев так описал впечатления после стычки с повстанческим отрядом: «Среди убитых и раненных я встретил много юношей, далеко не достигших двадцати лет» [\[12, № 10, с. 148\]](#). Неоднократно во время стычек в плен к русским попадали бывшие офицеры русской армии, сбежавшие на сторону восставших. Об одном таком случае, произошедшем недалеко от города Сербца, рассказывает И. Н. Пономарев: «Бежавшие офицеры-поляки были очень юные. Они, окруженные конвоем, сидели в повозке, не смея взглянуть в глаза окружающим. Их лица были бледнее полотна. Им была хорошо известна ожидавшая их участь» [\[12, № 10, с. 146\]](#).

А. Вязмитинов подчеркивает милосердие русского начальства по отношению к повстанцам: «Когда наступило сведение счетов за старые грехи, то притянуты были к ответу далеко не все, за кем эти грехи водились. На минувшие шалости многих мы смотрели сквозь пальцы» [\[11, с. 419\]](#). Так, например, один добровольно сдавшийся повстанец был взят на службу чертежником. М. П. Межецкий также приводит в воспоминаниях историю о добровольно сдавшемся повстанце. Это был молодой помещик Шавельского уезда Станкевич. Он рассказал о тяготах и голоде, сопровождавших его во время пребывания среди повстанцев. Боясь мести за свое бегство со стороны «инсургентов», он просил заключить его в тюрьму. Так как Станкевич сдался добровольно, он попал под амнистию, объявленную правительством, и после окончания восстания был выпущен из тюрьмы. После этих событий Станкевич лично благодарил Межецкого за помощь [\[16, с. 850-851\]](#).

Отдельно следует сказать о пленных руководителях повстанческих отрядов. Именно руководители отрядов вызвали наибольшее негодование в среде русских военных. Но порой случалось, что после личной встречи с этими людьми, русские офицеры уже могли проявлять к ним милосердие. А. Н. Витмер описывает подготовку к казни руководителя повстанческого отряда Кононовича. В описании мятежника мы не видим ненависти со стороны автора. Он скорее испытывает жалость к поверженному противнику. Автор рассказывает, что, заметив, что Кононович замерз, дал ему свое пальто. За этот поступок А. Н. Витмер подвергся упрекам со стороны товарищей, на что он ответил: «Да, господа, ведь он бывший офицер нашей службы и молодец при том; хоть он и враг наш, но, бесспорно молодец, и, наконец, я не мог видеть старика, дрожащего от холода» [\[10, с. 871\]](#).

А. Н. Витмер описывает, что Кононович произвел на него приятное впечатление своим спокойствием и умом, а также тем, что тот показал себя хорошим военным. Но автор отмечает, что, хоть и с сожалением, но вынужден был смириться с тем, что Кононович передан военному суду, так как тот командовал «бандой», из-за которой русские войска понесли потери [\[10, с. 872-873\]](#). Военному суду был передан также бывший русский офицер Садовский, с точки зрения автора «ничтожный фанатик», который бежал к повстанцам, не подав перед этим в отставку. По его мнению, этот человек заслуживал высшей кары. Но среди приговоренных был и молодой человек – Лабенский. А. Н. Витмер пишет, что передача Лабенского под военный суд вызвала у него и его товарищей ужас. Он был взят без оружия, и, хотя арестованные вместе с ним Кононович и Садовский показали, что он не служил с ними, но поступил донос одного из повстанцев, в котором сообщалось о важной роли Лабенского в «банде». Автору было

ужасно жаль молодого человека, и он пытался отговорить командующего, но все-таки все приговоренные были казнены [\[10, с. 874–876\]](#). Рассуждая об этих событиях, автор для себя признает необходимость смертной казни по отношению к людям, посягнувшим на чужую жизнь. Но при этом А. Н. Витмер считает недопустимой казнь за политические убеждения, каковой он считал казнь Лабенского, и в которой он не видел никакого смысла и пользы, а, возможно, только вред для самих русских, которые этой жестокостью настраивали против себя других поляков. Воспоминания А. Н. Витмера были созданы через много десятилетий после польского восстания, но он пишет, что еще тогда, в молодости, он попытался поставить себя на место поляков: «...я задавал себе вопрос: если бы я был поляком и колебался, – идти мне «до лясу», или нет, – что бы я сделал после казни красивого юноши, пламенного энтузиаста? И в душе моей прочел твердый ответ: немедленно взялся бы за оружие, чтобы отомстить за невинную смерть и умереть так же красиво, как умер он» [\[10, с. 881\]](#).

В свою очередь граф И. Г. Ностиц содействовал в том, чтобы был смягчен приговор по отношению к одному из лидеров повстанческих отрядов – Рогинскому. Свою мотивацию автор описывает следующим образом: «Во внимание чистосердечного раскаяния Рогинского и сделанных им показаний, желая спасти жизнь этого двадцатилетнего энергического юноши, я препроводил его в Варшаву и ходатайствовал у Великого Князя наместника о даровании ему жизни» [\[17, с. 571\]](#).

Наиболее тяжелое впечатление производили раненые люди. Во время преследования повстанческого отряда в одном из помещичьих домов были обнаружены раненые повстанцы. Среди них был мальчик-калека 15 лет, который вызвал симпатию среди русских военных. Для них он был просто ребенком, а не повстанцем. В. Щербович-Вечора приводит в воспоминаниях следующую сцену: «...казачий офицер, слушавший с большим вниманием рассказ мальчика, заметил на его столике папиросу и, вынув из своего кисета горсть табаку, положил на столик и сказал, "Ах, ты, щенок! Да тебе не воевать, а кашу есть следовало бы! Ну, на тебе! Покури". Мальчик слегка улыбнулся и склонил голову в знак благодарности. Обращение казачьего офицера к мальчику-калеке, высказанное, несмотря на кажущуюся резкость в словах, с оттенком такого добродушия, на которое способен только русский, по природе незлобивый человек, произвело на всех офицеров сильное впечатление...» [\[15, № 6, с. 741\]](#). Впоследствии, после расспросов хозяйки дома, стало известно, что это место с самого начала восстания является лазаретом для раненых повстанцев и, что оно существует с ведома правительства. Этот Бранщицкий лазарет существовал «на случайные добровольные пожертвования», вносимые чаще всего руководителями русских военных отрядов, которые проходили через Браншик в соседние леса в поисках отрядов повстанцев. В качестве примера В. Щербович-Вечора приводит командира Кексгольмского гренадерского полка генерала Ралля, который пожертвовал в пользу раненых 25 рублей [\[15, № 6, с. 742\]](#).

О еще одном повстанческом лазарете рассказывает Д. Г. Анучин. Это место также произвело крайне тяжелое впечатление на многих русских военных. Лазарет располагался в доме в городе Избица. Здесь было много людей со страшными ранами, большинство из которых едва ли имели шансы выжить. Д.Г. Анучин пишет, что вид этого лазарета представлял собой картину, которую вряд ли можно забыть. Автор описывает виденное им в доме так: «Многие из них плакали, рассказывая, как их обманывали насчет общего восстания в Польше. Сцена была столь тяжела, что у стоявшего сзади меня казака, уложившего не одного повстанца, по загорелому лицу текли слезы» [\[14, с.](#)

[5361](#). Командующий войсками генерал Костанда выделил деньги для лазарета, и попросил военного доктора осмотреть раненых. Анучин пишет, что умирающие повстанцы были на попечении местных дам и городского фельдшера. Несмотря на усердие последних, большинство раненых не выздоравливали [\[14, с. 5361\]](#).

Д. Г. Анучин приводит еще одну историю, связанную со встречей с раненым повстанцем. Автор во время обхода города обнаружил в одном из домов в Брдуве сильно раненого повстанца и пообещал тому, что вызовет доктора. Далее он описывает реакцию этого человека: «Надо было видеть, какой луч надежды заблестал в его глазах; он завертелся на постели и силился достать со стола стоявшую на нем кружку с молоком. Я думал, что он желает пить и поспешил поднести ему кружку; но он одной рукой схватил мою руку, а другой подавал мне кружку, чтобы я отпил молока. Больше ему нечем было отблагодарить за мое участие к нему. Зарывав, он упал на подушки. Несчастные жертвы!» [\[14, с. 540\]](#). Именно жертвами этих страшных событий, а не врагами видели военные раненых и плененных повстанцев.

Заключение

Восстание 1863–1864 гг. было одним из сильнейших потрясений в истории Российской империи во второй половине XIX века. Оно вызвало широкий общественный резонанс и оставило большой след в жизни участников этих событий. Этим можно объяснить то, что даже спустя десятилетия авторы воспоминаний так подробно описывают свои чувства и эмоции, которые были вызваны уже далекими для них событиями.

Несмотря на то, что слухи о готовящемся восстании ходили уже в конце 1862 года, оно в какой-то степени застало русских врасплох. Хотя предстоящая борьба представлялась крайне тяжелым делом, начало восстания привело к росту боевого духа среди военных. Во-первых, это было связано с крайней жестокостью повстанцев, о которой русские военные узнавали из разных источников и которой находили новые подтверждения. Это вызвало желание как можно скорее наказать виновных. Во-вторых, в годы, предшествовавшие восстанию, русские военные подвергались всевозможным унижениям со стороны местного населения [\[17, с. 569\]](#). Эти унижения в большинстве случаев оставались безнаказанными. Начало восстания дало в какой-то степени чувство облегчения. Русские военные осознали, что закончилось время «попустительства» [\[19, № 4, с. 161\]](#), и они смогут вести борьбу по правилам военного времени. Восстание виделось русским офицерам проигрышным делом для повстанцев. Это мнение разделяют все авторы. Различались же представления о силе восставших и времени, которое понадобится на его подавление.

Борьба с повстанцами, с точки зрения русских военных, имела ряд сложностей. Во-первых, это было связано с разветвленностью революционной организации: повстанческие соединения существовали по всей территории Царства Польского, а также в Западном крае. Во-вторых, восстанию сочувствовали значительные слои населения, оказывавшие повстанцам весомую помощь: им предоставляли денежную и материальную поддержку, давали убежище в частных домах, а также своевременно сообщали о действиях войск. В-третьих, восстание имело характер партизанской борьбы. Повстанцы совершали нападения на отдельные русские отряды, а в случае невыгодной для них обстановки, они уходили в леса, где их было крайне сложно найти.

С точки зрения военной подготовки русские офицеры, в большинстве случаев, невысоко оценивали действия повстанцев. Значительная часть людей, которые были в рядах

«мятежников», не имели боевого опыта. Многие авторы писали об отсталом вооружении, которым пользовались восставшие, а также о низком уровне организации повстанческих «банд». В воспоминаниях можно увидеть двойственность образа повстанческих отрядов. Часто они описываются авторами как нечто крайне жалкое, плохо организованное. Но также отмечалась отвага и искренняя преданность идее среди многих повстанцев, что не могло не вызывать у русских военных уважение.

Наиболее яркое впечатление о восставших складывалось после личных встреч с ними – преимущественно пленными и ранеными повстанцами. Раненые люди, как правило, вызывали среди военных сочувствие и желание оказать им посильную помощь. В такие моменты повстанцы, против которых военные боролись, уже не могли восприниматься однозначно как враги. Сильное сочувствие вызывали также юные повстанцы. Русские военные крайне сожалели о том, что молодые люди по своей неопытности и восприимчивости оказались втянуты в эти страшные события.

Таким образом, в воспоминаниях русских военных можно увидеть многогранный образ повстанцев. Он складывался как на основе получаемых ими сведений из разных источников, общественных настроений, так и личного опыта. Но если в обществе доминировал крайне отрицательный образ повстанцев, то для офицеров и чиновников, которые были в эпицентре восстания, этот образ был богаче и был наполнен различными оттенками. Взгляды авторов, которых разделяла с повстанцами значительная дистанция, в большей степени совпадают с распространенными в обществе. Но чем теснее были контакты авторов с повстанцами, тем более человечным становится описанный ими образ.

Библиография

1. Andrzej Kepiński. Lach i Moskal : Z dziejów stereotypu. Warszawa. 1990.
2. Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание / Сост. А. В. Липатов, И. О. Шайтанов. М., 2000.
3. Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре / Отв. редактор В. А. Хорев. М.: Индрик, 2002.
4. Поляки и русские в глазах друг друга / Отв. ред. В. А. Хорев. М.: Изд-во "Индрик", 2000.
5. Горизонтов Л. Е. Поляки и нигилизм в России. Споры о национальной природе «разрушительных сил». // Автопортрет славянина. М.: Изд-во "Индрик", 1999.
6. Фалькович С. М. Основные черты польского национального характера в представлениях русских. (Эволюция стереотипа) // *Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków: zbiór studiów*. Поляки глазами русских – русские глазами поляков. Warszawa. 2000.
7. Фалькович С. М. Влияние культурного и политического факторов на формирование в русском обществе представлений о поляках // *Культурные связи России и Польши XI–XX вв.* М.: УРСС, 1998.
8. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика (Опыт источниковедческого изучения). М.: Наука, 1980.
9. Драке Л. Л. Пережитое. (Отрывочные воспоминания за 25 лет службы) // *Русская старина*. 1907. № 6. С. 552–570; № 7. С. 105–110; № 8. С. 336–342; № 9. С. 537–548; № 10. С. 117–127; № 11. С. 389–394.
10. Витмер А. Н. Из польского восстания 1863 года // *Исторический вестник*. 1909. № 9. С. 855–881.

11. Вязмитинов А. Последняя польская смута. Эпизоды усмирения мятежа. 1863 г. // Русская старина. 1886. № 8. С. 401–420.
12. Пономарев И.Н. Воспоминания о польском мятеже 1863 года // Исторический вестник. 1897. № 9. С. 726–750; № 10. С. 140–164.
13. Потто В. А. Походные записки о кампании 1863 г. против польских мятежников // Военный сборник. 1867. № 8. С. 289–312; № 9. С. 169–190; № 10. С. 365–393; № 11. С. 131–166; 1868. № 3. С. 107–144; № 11. С. 153–188; № 12. С. 401–434; 1869. № 6. С. 183–220; № 7. С. 131–164; № 8. С. 305–341; 1870. № 1. С. 179–219; № 3. С. 187–230.
14. Анучин Д. Г. Двадцать дней в лесу. (Рассказ очевидца) // Военный сборник. 1863. № 8. С. 505–549.
15. Щербович-Вечора В. Воспоминания о польском восстании 1860–1864 годов // Исторический вестник. 1894. № 4. С. 184–202; № 5. С. 478–498; № 6. С. 725–751.
16. Межецкий М.П. Воспоминания из беспокойного времени на Литве в 1861–1863 годах // Исторический вестник. 1898. № 9. С. 825–858.
17. Ностиц И.Г. Из воспоминаний графа И.Г. Ностица о польском восстании 1863 года // Русский архив. 1900. Вып. 8. С. 559–571.
18. Бутковский Я.Н. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1883. № 10. С. 78–105; № 11. С. 325–365.
19. Любарский И.В. В мятежном крае. (Из воспоминаний) // Исторический вестник. 1895. № 3. С. 813–839; № 4. С. 156–176; № 5. С. 445–464.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Польское восстание 1863–1864 гг. и повстанцы глазами русских военных и чиновников
//

Исторический журнал: научные исследования

История восстания в Польше в 1863–1864 гг. неплохо изучена в русскоязычной литературе. Особенное внимание уделяли этим событиям в 1960-х гг., когда отмечали столетие восстания и в связи с историей политической каторги и ссылки. Однако проблема взаимоотношений между конкретными участниками боевых действий в процессе вооруженного подавления движения поставлена в литературе только в последнее двадцатилетие. В данном исследовании внимание акцентировано на взаимном восприятии поляков и русских, что автор рассматривает под углом формирования стереотипов, что можно оценивать как новую тему. Новым является также выбор источников, опубликованных в исторических журналах, которые в советской литературе относили к правому крылу российской периодики, но которые публиковали немало воспоминаний. Задача статьи «попытка показать польских восставших такими, какими их видели русские военные и чиновники, непосредственные участники событий» в целом решена. Первый тезис статьи («восстание сразу всколыхнуло русское общество и вызвало сильнейшую волну негодования по отношению к другому народу») постепенно опровергается дальнейшим изложением. Автор постепенно подводит читателя к выводу, что с одной стороны, «восстание воспринималось русскими военными как зло, с которым нужно бороться», с другой, столкновения «порой заставляли переосмысливать уже сложившиеся у них представления о восстании». Автора интересует восприятие

военными чинами как подготовлено восстание, в чем причины побед и поражений повстанцев. Мемуаристы отмечали плохую военную подготовку, проблемы с вооружением, отсутствие топографических карт, нехватку еды, неряшливую разносортную одежду повстанцев. Такая характеристика позволила показать специфику восстания. В отличие от традиционных разделов, в статье выделены части с такими названиями как «Жестокость», «Неуловимость и информированность», «Организация повстанческих отрядов», «Отношение к поверженному противнику». Следовательно, автора в большей степени интересуют психологические оценки восприятия повстанцев, нежели военная сторона: «Действия поляков в бою не воспринимаются как что-то неправильное или жесткое [...]. Жестокость для русских – это именно действия повстанцев, направленные против безоружных и слабых». Общие выводы статьи сформулированы скорее с точки зрения военной истории, но автор показывает и великодушие русских военных: пленные вызвали искреннее сочувствие. Сделаны объективные выводы, что русские военные видели сложности в разветвленности революционной организации; наличие повстанческих соединений на всей территории Царства Польского, а также то, что в Западном крае восстанию сочувствовали и оказывали весомую помощь разные слои населения; восстание имело характер партизанской борьбы. Библиографический список к статье содержит источники и новейшую литературу первой трети XXI в., посвященную анализу польского национального характера. Изложенная точка зрения автора на восприятие русскими военными польских повстанцев имеет право на существование и привлечет внимание читателей.